

**В 2017 году исполнилось 180 лет со дня рождения
Николая Успенского**

*Забвение — возмездие для зла
и несправедливость для добра.*

Эдуард Севрус

На липецкой земле о нем вспоминают, пожалуй, только тогда, когда посещают то место, где когда-то было село Шипово, от которого к концу двадцатого века не осталось ни одного дома. А что тут был большой населенный пункт и православный приход, свидетельствует лишь полуразрушенная церковь, которая мрачно и вроде бы с укором оглядывает окрест.

Да и то люди будят память по случаю. Ведь членов делегаций из разных концов России и других стран интересуется этот становлянский уголок в первую очередь потому, что он связан с именем Михаила Юрьевича Лермонтова. У стен храма похоронен отец поэта — Юрий Петрович Лермонтов, его родители и сестры. Вероятнее всего, поэт был в последний раз в Шипово в апреле 1841 года, когда за три месяца до своей гибели ехал на Кавказ и на один день заезжал в имение отца в Кропотово. А, зная какое трепетное отноше-

ние у него было к отцу, то он, наверняка, не мог не побывать на могиле Юрия Петровича. Такая версия не исключается и лермонтоведами (И. Андронников, Г. Гулия, В. Арзамасцев).

А уж потом выясняется, что здесь в раннем возрасте оказался мальчик, которому судьба уготовила славу «крестьянского трибуна». Этим мальчиком был Николай Успенский. И вполне возможно (хотя документально это не подтверждено), что он в свои почти четыре года видел М. Ю. Лермонтова в Шипово.

Успенский родился 31 мая 1837 года в селе Ступино Тульской губернии в многодетной и полунищей семье сельского священника. А детские, юношеские и часть зрелых его лет прошли в селе Шипово Ефремовского уезда (сегодняшнего Становлянского района Липецкой области). Почти сразу же после рождения сына Тульской епархией в церковь Успения Пресвятой Богородицы был переведен его отец, священник Василий Яковлевич. Именно в Шипово формировалось мировоззрение Николая на крестьянский быт. Он своими зоркими и пытливыми глазами видел, в каком беспорядке и забитости живут его земляки — односельчане, те, кто рождает детей, пахет землю, ухаживает за скотом. В его душе на всю жизнь остался тяжелый осадок от увиденного и пережитого.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Шипово начала XXI века

Его отец обладал в высшей степени неуживчивым характером, из-за которого вынужден был странствовать по деревням и селам, меняя приход за приходом, становился каждый раз лишь беднее, а на этой почве и обозленнее почти на всех окружающих его людей. Характер отца в какой-то, а может и большей мере, передался Николаю.

Василий Яковлевич хотел, чтобы сын пошел только по его стопам и стал священнослужителем. Потому в 1846 году он определяет мальчика на учебу в Тульское духовное училище, по окончании которого — в семинарию. Но у выпускника семинарии созрели другие планы на дальнейшую свою судьбу, не связанные с церковной службой. В 1856 году он поступает в Петербургскую медико-хирургическую академию. Но Николай не продержался там и года: в какой-то момент у него просто сдали нервы. В приступе злости он изрезал на куски руку трупа, выданную ему для препарирования, изломал инструменты, разбросал их по палате и ушел, за что тут же с позором был изгнан из академии.

От нищеты Николая Успенского спасла только его литературная деятельность, начатая им в 1858 году. В пору своего недолгого студенчества он опубликовал два рас-

сказа — «Старуха» и «Поросенок» в еженедельном журнале «Отечественные записки», в котором в свое время печатались К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. С. Пушкин. Третий рассказ — «Хорошее житье» он отнес было туда же, но в редакции решили, что язык рассказа «слишком народен и непонятен» для читателей журнала.

Видимо, эти первые публикации Успенского повлияли на изменение его жизненных планов. Николай Васильевич решает заняться изучением истории и филологии. Потому поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета. Но и это учебное заведение не смог окончить. Из-за бедности отца ему нечем было платить за обучение.

Это нанесло незаживающую и глубокую душевную рану уже известному в писательских кругах молодому человеку.

И Успенский, набравшись смелости, явился с рассказом «Хорошее житье» в «Современник», который основал за год до своей гибели А. С. Пушкин, а тогда его редактировал Н. А. Некрасов, с которым активно сотрудничали Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев.

Вот как вспоминал Николай Успенский первые мгновения, когда пересек порог «Современника»:

« — Не бойтесь, не бойтесь! — послышался в углу залы тихий и хриплый голос поэта «мести и печали», когда меня встретили у двери два красивых сеттера. — Что вам угодно?»

Я сказал, что доставил в редакцию «Современника» два рассказа из народного быта, и назвал свою фамилию.

— Я с удовольствием прочитал их, — сказал Николай Алексеевич, — особенно мне понравился ваш «Поросенок»... Прелестная вещь... А вот на вашем рассказе «Хорошее житье», кажется, была какая-то надпись...

— Да! В редакции «Отечественных записок» мне написали, что язык слишком народен и непонятен для публики... Я стер эту заметку...

— Ха-ха-ха... Слишком народен!.. Это превосходно... Вы что же, учитесь где-нибудь?

— В Медицинской академии, но мне хотелось бы перейти в университет по историко-филологическому факультету...

— Напрасно! Кого вы будете там слушать! Все это бездарность страшная... Уж если вы пишете такие прелестные очерки, то вы умнее всякого профессора... Какой вы губернии?

— Тульской...

— Ну, вот еще одним дарованием больше... В «Современнике» участвуют ваши земляки: Тургенев, Толстой, Григорович... Тургенев обещал проездом из Парижа скоро побывать в Питере. Вы не нуждаетесь ли в деньгах? Я могу с вами поделиться... Вот, не угодно ли вам пока пятьдесят рублей... Если что-нибудь напишете еще, пожалуйста, приносите мне. А эти очерки будут напечатаны в следующей книжке...

— Вы, Николай Алексеевич, сказали, что мне не следует поступать в университет... Что же мне делать?

— Да просто плывите по течению... Читайте Диккенса, Теккерея и пишите...

В скором времени Некрасов известил меня, что на Невском, в зале Бенардаки, устраивается Е. П. Ковалевским литературный вечер, в котором мое участие было бы весьма желательно. Я согласился и в назначенный час пришел к Некрасову, который был не в духе и говорил, роясь в бумагах:

— Терпеть не могу этих вечеров, где нужно выставлять напоказ свою физиономию...

— Карета подана! — возвестил лакей, и мы отправились.

Вечер прошел удачно. На другой день часов около двенадцати мы поехали с Н. А. к Ковалевскому к Красному мосту. Некрасов был очень весел и, расхаживая в кабинете Евграфа Петровича из угла в угол, рассказывал из своей прошлой жизни:

— Нанимал я квартиру на Васильевском острове, в нижнем этаже. Денег у меня не было ни копейки. Пошел я в мелочную лавочку попросить в долг чайку. Купец оказался моим земляком — ярославцем — и большим любителем чтения газет. «Дивное дело, — говорил он, — как это умудрились печатать газеты... Пишет человек, к примеру, пером, а выходит совсем другое». Я объяснил ему, в чем дело, и так ему понравился, что он с удовольствием отпустил мне чаю и сахару. Но положение мое, однако, нисколько не улучшилось. Лежа на полу на своей шинели, я сделался предметом праздного любопытства уличных зевак, которые с утра до ночи толпились у моих окон. Хозяину дома это пришлось не по нраву, и он приказал закрыть окна ставнями. При свете сального огарка я решился описать одного помещика с женою, у которых я был учителем. Так как хозяин отказал мне в чернилах, я соскоблил от своих сапог ваксу, написал очерк и отнес его в ближайшую редакцию. Это спасло меня от голодной смерти... В одно утро к моей квартире подъезжает щегольская коляска, из которой выходит бывший издатель «Современника» Иван Иванович Панаев и спрашивает дворника: «Здесь живет Николай Алексеевич Некрасов?» С этого рокового момента судьба сделалась ко мне полагосклоннее...»

Вот тут-то и началась самая светлая пора жизни Успенского и его творческий взлет. Рассказы своего протеже Некрасов распорядился печатать самым крупным шрифтом на первых страницах ближайшего издания журнала. Автору платили вполне приличный гонорар, а через год даже заключили с ним контракт с условием, чтобы он сотрудничал только с «Современником».

В этом журнале увидели свет и получили высокую оценку критики его рассказы и очерки: «Хорошее житье», «Поросенок», «Грушка», «Змей», «Сельская аптека» и другие.

В отличие от либерально-дворянских писателей Успенский изображал жизнь крестьян во всей ее неприглядности, показывая нищету, забитость, полную их зависимость от помещиков, кабатчиков, полиции. Он смело и ярко критиковал либеральное культурничество («Сельская аптека»), сельскую общину («Хорошее житье»), которую впоследствии идеализировали народники. В рассказах «Федор Петрович» (1866) и «Старое по-старому» (1870) Николай Васильевич создает образ буржуазного хищника в глубоко любимой им деревне, обличает земство.

Н. Г. Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?» писал, что Н. Успенский сказал о народе «правду без всяких прикрас», что ему удалось «глубоко заглянуть в народную жизнь» и ярко выставить «коренную причину ее тяжелого хода», как никому из беллетристов. Также литературный критик отмечал, что «произведения Успенского отличаются простотой сюжета, мастерством речевой характеристики людей из народа».

В то время рассказы и очерки Успенского печатались один за другим. В 1860 году в «Современнике» появляется статья самого авторитетного литературного критика того времени Н. А. Добролюбова, в которой он настойчиво рекомендовал пополнить хрестоматию для юношества произведениями двадцатитрехлетнего писателя. Тургенев, Толстой, Григорович — первые писатели эпохи и к тому же аристократы, люди высшего «света» — одарили поповского сына знакомством и лестными о нем отзывами.

Однажды в трескучий мороз Успенский пришел к Некрасову, чтобы передать ему один из своих очерков. У знаменитого поэта и редактора был в гостях известный ветеран беллетристики Д. В. Григорович.

Вот как ту встречу описал сам Николай Васильевич:

«— Знаете, что я вам посоветую, Успенский,— начал Николай Алексеевич,— поезжайте-ка за границу.

— Да на какие же средства?..

— У вас есть прекрасные средства...

— Правда, правда,— произнес баритоном Дмитрий Васильевич.

— Средства эти,— продолжал Некрасов,— ваши рассказы... Их в «Современнике» напечатано так много, что из них выйдет довольно солидный томик. Я издам их в свет, а вам дам денег на путешествие, которое для вас будет очень полезно...»

Все складывалось для Успенского наилучшим образом. Он около года пробыл в культурных европейских центрах, где в то время находились и тепло его встретили в Париже — Тургенев, в Ницце — Добролюбов, во Флоренции — Боткин...

Вроде бы надо было за это благодарить судьбу и Некрасова. Но, вернувшись из заграничной поездки, Успенский, к удивлению всех, обвинил своего старшего коллегу Некрасова в эксплуатации его таланта и потребовал платить себе такой же гонорар, какой получал Лев Толстой.

Чем обосновывал такие свои притязания Николай Васильевич?

Обратимся к его воспоминаниям:

«Я отправился за границу, где пробыл около года. Между тем мои очерки вышли в свет отдельной книжкой и раскупались нарасхват...

Возвратившись в Петербург, я узнал из достоверного источника, что Некрасов вместо одного завода, как обещал, напечатал мои рассказы в количестве 6000 экземпляров ценой по 1 рублю за каждый, а я ограничился поездкой за границу, которая стоила мне 1000 рублей. Следуя примеру Тургенева, Толстого, Гончарова и Достоевского, я прекратил всяческие сношения с незабываемым поэтом и издателем «Современника».

Никакие уговоры эффекта не возымели, и перед Успенским навсегда закрылись двери в «Современник».

К тому же, побывав в Европе, он резко пересмотрел некоторые свои жизненные позиции. Теперь ему казались чуждыми взгляды революционных демократов Некрасова, Чернышевского, Добролюбова. На этой почве, после разрыва с журналом «Современник», он начинает печататься в либеральных и даже реакционных изданиях, хотя серьезных перемен в его взглядах на жизнь в деревне и не произошло.

Более того, Успенский, изобразив свой денежный конфликт с редакцией «Современника» как эпизод из истории идейного размежевания писателей — либералов и аристократов, нашел себе новых покровителей в лице И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого.

Лев Николаевич в том же 1862 году пригласил Николая Васильевича преподавать в школе Ясной Поляны, да заодно и его рассказы у себя в журнале перепечатал. Однако Успенский там долго не задержался. После очередного злоупотребления спиртного разругался и со Львом Толстым за то, что тот якобы мало ему платит за его учительство в местной школе.

Тогда Успенский обращается за помощью к Тургеневу. Иван Сергеевич с удовольствием откликнулся на его просьбу и безвозмездно предоставил ему в своем имении несколько десятин земли, чтобы Успенский спокойно занимался творчеством, не тревожась о своем материальном состоянии. Но Николай Васильевич и тут не ужилась со своим благодетелем. Не объясняя причин, покидает Спасское.

Он приезжает в Петербург, где намеревается покорить северную столицу своим творчеством. Живет у своего двоюродного брата Глеба Успенского, который к тому времени был уже хорошо известен в литературных кругах и который старается по-

мочь своему родственнику, чем мог. Но Николай Васильевич относился с завистью и раздражением к Глебу Ивановичу. Тот, видите ли, слишком реалистически показывал в своих ярких произведениях жизнь городской бедноты и не так, как надо бы, по мнению Николая Васильевича, противоречия пореформенной деревни («Нравы Растерянной улицы», «Разоренье», «Власть земли» и др.).

Николай Васильевич как появился у своего брата неожиданно, также и исчез из Петербурга.

Он возвращается в Спасское. И не просто так, а вздумал продать участок земли, выделенный ему Тургеневым в дар. Уговоры Ивана Сергеевича одуматься и отказаться от необдуманной затеи оказались тщетными. И тому пришлось заплатить Успенскому за свою же землю и навсегда порвать с ним связи.

С этого момента светлой полосе жизни и творчества Успенского пришел логический конец. «Отечественные записки» вкуче с «Современником» подвергли писателя резкой критике. Сына священника из Шипово в этих изданиях характеризовали теперь как человеконенавистника (в этическом плане), ренегата (в идеологической оценке) и бесталанного беллетриста «с крошечным куриным мирозерцанием и крошечной куриной наблюдательностью».

Успенский поначалу не сдавался. Выдержав экзамен на звание учителя русского языка и словесности, он пытался преподавать то в одной, то в другой школе. Но каждый раз не уживался с руководителями школ, уходя в очередной запой. Без разрешения дирекции покинул и Первую московскую военную гимназию задолго до конца учебного года. Успенскому грозил трибунал — за «дезертирство» и не возврат выданных ему денежных средств, но, слава Богу, этот инцидент удалось уладить.

Пробовал он кроме литературной деятельности зарабатывать «на хлеб» еще и учительством, преподавая русский язык и словесность в уездных училищах, часто переезжая с места на место, и каждый раз увольнялся из них со скандалом.

Видимо, разрыв с самым прогрессивным в то время журналом, его талантливыми сотрудниками, известнейшими в России и за рубежом писателями сильно надломили и без того болезненную психику Успенского. Он все больше и чаще попадает под влияние алкоголя, что послужило его окончательной отставкой с преподавательской работы в 1874 году.

С этого времени Успенский практически перестает писать и живет в крайней нищете, беспробудно пьет, скитается по ночлежным домам. Пробовал он зарабатывать средства на жизнь уличным актером, но это было неудачной попыткой.

В 1878 году Николай Успенский женился «по страстной любви» на семнадцатилетней дочери священника. Казалось бы, жизнь с любимым человеком подарила ему счастье и возможность заниматься писательской деятельностью, как в былые времена. Но вместо этого он вновь погряз в денежных раздорах, на этот раз с тестем — из-за приданого. Через три года жена Успенского умерла, и безутешный муж, то ли от горя, то ли от безысходности, взял гармонику, чучело крокодила и горячо любимую двухлетнюю дочь, чтобы петь и плясать в трактирах. Также Николай Васильевич перед шумной и пьяной публикой произносил монологи за крокодила и рассказывал биографии знаменитых русских писателей.

Его моральная деградация шла по нарастающей. Однажды он выменял у кабатчика четверть водки на свою гармонику, легкомысленно пообещав, что потом ее выкупит. Водку писатель выпил с мужиками, а через два дня к кабатчику пришел полицейский. Успенский заявил, что кабатчик торгует спиртным без патента и к тому же украл его гармонику.

Кабатчик еле выпутался тогда из этой неприятной истории, благо полицейский попался дотошный, нашел свидетелей сделки. Потом он даже попенял Успенского: «Как же ты можешь напраслину на людей возводить?»

В 1889 году Николай Васильевич покончил жизнь самоубийством, хотя и была версия, что его зарезали в пьяной разборке собутыльники.

Солидные литературные журналы никак не откликнулись на его трагическую кончину. Лишь в 1890 году газета «Орловская правда» поместила заметки двадцатилетнего Ивана Бунина «К будущей биографии Н. В. Успенского».

«Старую, но в тоже время постоянно юною историей стала печальная участь многих русских писателей. Судьба Никитина, Решетникова, Помяловского, Надсона, Левитова и подобных им несчастливцев, которым словно на роду написано «что-то роковое», всем известна. Одни из них были подавлены нищетой, другие — с чуткою до болезненности душою — не вынесли окружающей их обстановки, третьи... третьи унесли с собой в могилу тайну своей ненормальной тяжелой участи,— писал Бунин.— К последним, я думаю, более всего можно отнести недавно зарезавшегося Николая Васильевича Успенского. Его оригинальная и печально своеобразная жизнь положительно ставит в тупик. Я говорю, собственно, про себя, а не про публику, потому что, собственно, мне и еще очень немногим пришлось узнать некоторые удивительные факты из его интимной жизни».

Знавшие и понимавшие Успенского близкие к нему люди говорили, что Николай Васильевич был «слишком недюжинный человек, слишком глубокая натура». Шипово, Троицкое, Лобаново — тульские селения, помнившие происходившего из духовного звания незаурядного отрока. Бунин воссоздает по крупицам биографию Николая Васильевича (учебу в духовном училище, академии, университете, краткое учительство в Яснополянской школе Л. Н. Толстого, попытку И. С. Тургенева помочь начинающему автору). Женитьба. Смерть жены. Своеобразное воспитание дочери, осуществляемое в постоянном бродяжничестве.

Бунин сообщает подробности жизни «Мефистофеля» (так почему-то прозвали Успенского в литературных кругах, а может и потому, что Мефистофель — это дьявол, образ злого духа в фольклоре и художественном творчестве — *от автора*), а потом горестно замечает:

«...немного спустя, в Москве, на одной из улиц, нашли зарезавшимся одного из первых и лучших представителей народнической литературы. В кармане у него оказалось восемь копеек!..»

Творчество Успенского было предметом острых споров в литературной критике XIX века. Со статьями о нем выступали Чернышевский, Достоевский, Михайловский.

Народническая критика (Скабичевский) резко выступала против Николая Успенского, произведения которого были чужды народнической идеализации общинных «устоев».

Среди многочисленных рецензентов был и липчанин Г. В. Плеханов. Георгий Валентинович наиболее точно определил место Успенского в истории русской литературы: *«Это был типичный представитель эпохи 60-х годов, взявшийся за изображение народного быта... Он сочувствовал народу именно по-своему, то есть как «просветитель», то есть как человек, не чувствовавший никакой надобности в идеализации отсталой массы».*

Постепенно Николай Васильевич стал «забытым писателем». Его творчество, как одного из «шестидесятников» и соратников революционно-демократической реалистической литературы, снова привлекло к себе внимание лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Его произведения и до сегодняшнего дня не потеряли свою актуальность. А все потому, что очерки Успенского отличаются своей правдивостью, силой критического реализма. Наиболее ярким средством художественной характеристики, каким рас-

полагал писатель, был язык его героев. Писатель умело воспроизводил многообразие оттенков разных говоров, охотно прибегал к сказу (к примеру, «Поросенок», рассказанный деревенской просвирней, «Грушка» — торговцем, «Хорошее житье» — цelloвальником, и т. д.). Очерки Успенского подчас поднимались до уровня тонко написанных новелл, избегая прямой, голой тенденциозности, выражая идею, прежде всего, показом самой жизни. Так, в «Хорошем житье» он обличает кабатчика, не говоря от себя ни единого дурного слова о нем. У Успенского мы находим ряд рассказов, где он прибегает к шаржу и гротеску («Обоз», «Змей» и др.). Это были зародышевые формы того же рода, какой нашел себе место в творчестве Салтыкова-Щедрина, в его «Истории одного города», в «Сказках». Как и Салтыкова-Щедрина, Успенского толкало к гротеску остро ощущавшееся противоречие между действительной и разумной жизнью. Его гротескные сцены и образы не имели силы и глубины щедринской сатиры, так как при всех достоинствах своих очерков писатель все же редко шел дальше натурализма и шаржа. Он верой и правдой служил своему отечеству, своим соотечественникам.

Именно Николай Успенский выступил одним из *родоначальников* деревенской прозы, и влияние его в той или иной мере испытывали все последующие классики, писавшие в этом направлении (Виктор Астафьев, Василий Шукшин, Валентин Распутин). И даже Л. Н. Толстой, возможно, против своего желания, наследовал традиции Успенского в пьесах «Власть тьмы» и «Плоды просвещения». Тем более он, уже после смерти Успенского, говорил о нем такие слова: *«Я ставлю Николая Успенского много выше превознесенного другого Успенского, Глеба, у которого нет ни той правды, ни той художественности».*

И, оглядываясь на страдальческую, полную мук, горя жизнь моего земляка, невольно думаешь: как же несправедлива судьба к талантливым людям. Хотя, как утверждал один из мудрецов, судьба неизбежнее, чем случайность, судьба заключена в характере человека.

Николай Успенский создал сам свою судьбу, приведя ее неизбежно к трагическому концу.

